

Е.К. Карпенко

Изобретение «я»: деструктивные извлечения из архива метафизики*

Архив – это вовсе не то, что копит пыль высказываний, вновь ставших неподвижными [...]; это то, что определяет род действительности высказывания-вещи; это – система его функционирования.

*Мишель Фуко*¹

Недавнее исследование Венсана Карро² «L'invention du moi», на первый взгляд, представляет популярный во франкоязычной историко-философской литературе жанр археологий³. Оно нацелено на выявление того, что называют историчностью понятия, в данном случае, понятия «я» (le moi). Здравый смысл и привычка доверять языку убеждают нас в простоте и «очевидности» этого слова, которое мы используем в своей речи, чтобы, по крайней мере, говорить и писать от своего собственного лица. Очевидным кажется и то, что «собственное лицо» и имя, которое, впрочем, можно заменить, присущи любому говорящему или пишущему от «первого лица». Является ли эта всеобщая присущность «первого лица» необходимой? Можно ли и как ее осмысливать? И, наконец, что такое «я»? – вопрос Паскаля; вопрос, составляющий интригу книги Венсана Карро.

Дидактический стиль и филологическая тщательность скреплены драматургией сюжета («я», как и зачем оно появляется), что позволяет автору, а вместе с ним и читателю преодолеть привычные рамки «истории идей» и погрузиться в медленное философское чтение. Карро предлагает читателю открыть или заново перечитать «общие места» метафизики, с режиссерским мастерством обрамляя пространные фрагменты из классиков и интерпретаторов собственными проясняющими комментариями.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. (проект «Субъект и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы», ТЗ 55)..

Основные аргументы автора сформулированы в первой лекции:

– **изобретение слова-понятия «я» (le moi) современники приписывают Паскалю начиная с 1664 г.⁴;**

– **только внимательный читатель Декарта, «первый картезианец, размышляющий над метафизическими положениями Декарта»⁵, каковым является Паскаль, мог изобрести слово «я» и записать его на французском языке как «le moi»;**

– **изобретение Паскалем «я» есть антикартезианский жест, «дисквалифицирующий»⁶ первое положение картезианской метафизики.**

Уже первый тезис заставляет читателя совершить интеллектуальное усилие. Кажущаяся интуитивная простота «я» делает его для нас незаменимой переменной, чем-то само собой разумеющимся, «существовавшим всегда», «внеисторичным». Трудность усугубляется еще и тем, что чтение переводов Паскаля на русский язык не проясняет мысли автора.

Критика переводчиков Паскаля не является целью этой статьи, проблема скорее в ином. Первый, текстологически установленный Карро, аргумент сводится к тому, что Паскаль изобретает понятие «я», совершая конверсию во французском языке путем добавления определенного артикля «le» (в данном случае нейтрального) к личному местоимению в объектном падеже «moi», делая местоимение именем существительным, точнее общим понятием. В русском языке артикль как грамматическая категория отсутствует, а кроме того, личное местоимение «я» не имеет именительного падежа для формы «меня», что делает невозможным «дословный перевод». Традиционные приемы русскоязычной конверсии осуществляются либо путем закавычивания местоимения «я» и сопровождения его указательным «это» в среднем роде, либо путем написания Я с прописной буквы как имени собственного. В данном тексте и в нижеследующем переводе я пользовалась первым приемом, но трудность выражения и понимания при этом сохраняется. Изобретение Паскаля и первый аргумент Карро, таким образом, указывают не на способ рассуждения о личном местоимении, но на гипотетическую возможность мыслить местоимение как имя существительное, т. е. как объект и понятие.

Так сформулированная задача определяет и концептуальную и историко-философскую перспективы исследования. Как историк философии, Карро исходит из текстуального факта: он фиксирует

и разворачивает историю паскалевского понятия «le moi» («я» – как существительное, понятие и «идея»), возможность которого была заложена в картезианском выражении *ego ille*, о котором речь пойдет ниже. Из этого же факта следует вывод, что «я», по крайней мере, в философском языке существовало не всегда. Античность и Средние века его не знают. Предваряя историю «субъекта», «я», введенное в философский язык Паскалем, как философская идея не тождественно ни душе (Мальбранш), ни сознанию (Локк), ни индивиду (Лейбниц), ни субъекту (Кант), ни жизни (Дильтей, Бергсон), ни личности (Гуссерль, Шелер), ни даже тому, что современные философы называют «самостью» («the self», «le soi», «Selbst»). **Методическое различие этих концепций на протяжении** книги открывает путь к Гуссерлевой задаче достижения *ego*, которая разрешается в проекте, потребовавшем от его автора очередного философского неологизма – *Dasein*. Именно в финальной лекции, озаглавленной: «Кто есть «я»?» (*Qui est le moi?*)⁷ – концептуальная дистанция между открытым Паскалем, не без влияния Декарта, «я» и хайдеггеровским *Dasein* сокращается до утверждения: «...если *ego* не есть *Dasein*, *Dasein* есть *ego*, по крайней мере, в определенном отношении»⁸.

Вернемся к центральному тезису, который представлен в первой лекции: первым, кто использовал во французском языке местоимение «я» (*moi*) **как имя существительное**, был Паскаль, но условия для такого использования были сформулированы Декартом. Таким образом, вопрос о первенстве кажется чисто историческим. Однако ответ на этот вопрос требует от автора внимательного и кропотливого анализа текстов с тем, чтобы понять мотив подобного словоупотребления и у Паскаля и у Декарта. По убеждению Карро, язык философии не знает случайностей: во-первых, потому что мысль зафиксированная является лексическим фактом, который необходимо устанавливать и датировать. И, во-вторых, потому что язык философов выражает определенную мысль, которая требует комментария и пояснения.

Итак, как устанавливает Карро, «я» (*le moi*) Паскаля и как концепция и как неологизм возникает в контексте модных в среде французских интеллектуалов 60–70-х годов XVII века споров о себялюбии. Формула Паскаля общеизвестна: «“Я” ненавистно»⁹. Карро обстоятельно цитирует ближайших комментаторов и ин-

терпретаторов этой формулы – мыслителей Пор-Рояля Арно и Николя, уделяя особое внимание текстам последнего «О христианском воспитании» (*De la civilité chrétienne*, 1671), «О милосердии и себялюбии» и «О познании самого себя» (*De la charité et de l'amour-propre, De la connaissance de soi-même*, 1675). Именно в противопоставлении интерпретации Николя проясняется концептуальный замысел Паскаля. Эта оппозиция становится понятна на примере частного случая: вопроса о любви к себе. Кого мы любим, когда любим себя? Любим ли мы в себе некие качества (субстанциальные)? Можно ли любить себя отвлеченно (без субстанциальных качеств)?

Карро разбирает фрагмент из текста Николя «О познании самого себя», в котором речь идет о том, что «не представляя ясно никакого качества, ни хорошего, ни плохого, мы понимаем только то, что выражено в слове “я” (*moi*)». Он показывает различие между «метафизическим пониманием «я» как «духовной идеи» у Николя, что является прямым следствием его работы с текстами Паскаля и Декарта, и невозможностью мыслить «я» как «субстанцию» в силу его неопределенности, недостижимости средствами метафизики, о чем и говорит Паскаль¹⁰, задаваясь вопросом: «Можно ли любить отвлеченно субстанцию человеческой души, каковы бы ни были ее качества?» (XXV/688). Так Карро разворачивает перед читателем горизонт философских поисков от ясности слова к глубине мысли, от языкового неологизма к вершине и провалу главной метафизической концепции Нового времени. Предметом этих поисков являются мотивы и следствия изобретения Паскалем «я», т. е. использования местоимения как имени существительного для того, чтобы утвердить невозможность мыслить его (понятие «я») как субстанцию.

Итак, вопрос Паскаля о «субстанции человеческой души» сводится в конечном итоге к вопросу о субстанциальности «я» (*le moi*). То, как Паскаль отвечает на картезианский вопрос: «*quisnam sim ego ille*», а именно «дисквалифицирует», по выражению Карро, «я» как субстанцию, позволяет нам оценить позицию Паскаля как анти-картезианскую, разрушающую то ясное и несомненное основание, которое, кажется, было обретено Декартом¹¹. Последующая критика субстанциальности *ego* от Локка до Канта и Гуссерля, с точки зрения Карро, вторична, поскольку сама критика опирается на су-

существующее с необходимостью единичное «я», открытое в результате картезианского сомнения или – в терминологии Гуссерля – путем феноменологической редукции. Однако то, что будут называть «трансцендентальным я», «чистым я» или «чистым сознанием», понимая под этим «я», свободное от всяких эмпирических определений, остается всего лишь бессодержательной абстракцией, на что указывает Паскаль, задавая вопрос о сущности «я» (*le moi, ego*), и что отметит Хайдеггер, заново «опрашивая» его *sum*.

Таким образом, суть основного тезиса Карпо в том, что, переворачивая идею Декарта, задавая вопрос: может ли *ego* само по себе быть объектом¹², а не субъектом? – и отвечая на него отрицательно, Паскаль лишает *ego* субстанциальности, а метафизику «прочного» основания. Поскольку средствами самой метафизики невозможно обнаружить «ясное», но можно усомниться в несомненном: в том, что «я» – существительное (общее понятие), а значит и сущее, – то, следовательно, само основание не является необходимым и картезианская система терпит неудачу в тщетных попытках ответить на вопрос: кто «я»?

Однако Карпо перечитывает Декарта¹³, чтобы обнаружить и заново осмыслить тот «незаметный, но роковой поворот, превращающий *ego* в *substantia cogitans*, в отдельный человеческий *mens sive animus* и в исходное звено умозаключений по принципу каузальности, короче говоря, тот поворот, благодаря которому он (Декарт. – Е.К.) стал отцом абсурдного трансцендентального реализма»¹⁴. Он обнаруживает, вопреки критике Гуссерля, то, что, кажется, ускользало от комментаторов и переводчиков. Речь идет о двух выражениях Декарта, с которыми мы сталкиваемся в латинском оригинале текста *Meditatio II*: «**Nondum vero satis intelligo, quisnam sim ego ille, qui jam necessario sum**» и «**Novi me existere; quaero quis sim ego ille quem novi**» [AT VII, 18, 14–15] (выражения, которые анализирует Карпо¹⁵, я выделила курсивом). В русском переводе С.Я.Шейнман-Топштейн читаем: «Но пока я еще недостаточно хорошо понимаю, *что* я есмь – я, в силу необходимости существующий» и «А знаю я, что существую, и спрашиваю лишь, *что* я представляю собой – *тот*, кого я знаю» [том 2, с. 23.].

Комментарий Карпо к этим выражениям можно свести к нескольким положениям:

1. *ego ille* – выражение Декарта, нарушающее нормы латинской грамматики ради концептуального открытия. Указательное местоимение *ille* отсылает к тому, о ком или о чем уже было сказано, в данном случае речь идет об *ego*. А поскольку говорит Декарт, то указательное местоимение приобретает мужской род. Но нормы латыни требуют безличного *illud* для указания на местоимение. Декарт же, по мнению Карро, совершает «квази-субстантивацию», спрашивая себя о том, «кто есть *этот я*», который после операции сомнения, очевидно, «существует с необходимостью». Именно это картезианское *ille ego* Паскаль переводит на французский язык как *le moi*.

2. *Quis*: исследование переводов Декарта, начиная с французского перевода Луина, вышедшего в 1647 г., дает Карро основание утверждать, что переводчики искажают мысль Декарта, путая *quis* и *quid*, то есть *кто* и *что*. Карро отмечает, что эссенциалистский вопрос *quid* подразумевает ответы, которые уже были исключены сомнением. Декарт это понимает и старается этого избежать на протяжении всего *Meditatio II* вплоть до рассуждения в *Meditatio III* о *modi cogitandi*, способе мыслить. Вопрос, которым задается Декарт в *Meditatio II*, вопрос *quis* – не эссенциалистский, но идентифицирующий. Это вопрос, который поставлен так, чтобы сохранить неопределенность *ego*, размышляющего о самом себе.

Карро показывает, что, работая в *Meditatio II* со сведенным к самому себе «я», Декарт понимает, что вопрос *quid est*, т. е. вопрос о сущности, вторичен по отношению к вопросу *quis sum* (кто есмь?), к которому он вернется в *Meditatio IV*. Именно эту трудность и неопределенность картезианской мысли понял Паскаль, сводя вопрос о сущности к вопросу об идентичности: «...любят ли меня? *Меня?*» (XXV/688)

Итак, возвращаясь к вопросу о мотивах картезианского изобретения Паскаля, Карро заключает, что именно Декарт первым установил единичное эмпирическое «я» (*ego*) как единственное истинное основание, поместив его вне круга сомнения, оставив его без качеств и без мира. Паскаль, мыслящий в рамках картезианской метафизики, понял и указал на неопределенность и неопределимость абстрактного (трансцендентального) *ego* (*le moi*)¹⁶, разрушая тем самым само основание, «совершая антикартезианский жест». Данный вывод, касающийся не только и не столько философского словоупотребления, позволяет, тем не менее, отличить «я» (*ego*, *le moi*) от его производных, к примеру, от «самости» (*le soi*, *the self*)¹⁷.

Это фундаментальное отличие, которое последовательно обосновывает Карро, должно исправить ставшее общераспространенным в современной философии после работы Поля Рикёра¹⁸ «Я-сам как другой» использование «амплитуды самости»¹⁹ для описания «всех грамматических лиц»²⁰, которое уводит в сторону, оставляя открытым центральный вопрос картезианской метафизики, который будет сопутствовать «рефлексивной номинализации» (самость, l'ipséité, selfhood, Selbstheit): О ком я думаю, размышляя о себе?

Примечания

- ¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. II, 5. С. 130.
- ² Венсан Карро (род. 1957) – профессор Университета г. Кан (Нижняя Нормандия), приглашенный профессор Чикагского университета (2011), возглавляет исследовательский проект «Субъективность и Идентичность». Основные труды: *Pascal et la philosophie*. P., 1992. 2e éd. 2007; *Causa sive ratio. La raison de la cause, de Suarez à Leibniz*. P., 2002; *Bibliographie cartésienne* (1960–1996). Lecce; Conte Editore, 2003; *Pascal: des connaissances naturelles à l'étude de l'homme*. P., 2007. В 2008–2009 гг. В.Карро читал лекции на кафедре метафизики Этьена Жильсона (Католический институт, Париж), которые легли в основу книги «Изобретение “я”» (*L'invention du moi*. P., 2010). В 2009 г. он выступал с одноименной лекцией на философском факультете НИУ-ВШЭ (Москва).
- ³ Упомяну в частности, помимо доступных на русском языке текстов «первооткрывателя» метода Мишеля Фуко, масштабный проект Алена де Либера «*Archéologie du sujet*». V. 1. *Naissance du sujet*; V. 2. *La quête de l'identité*. P., 2007, 2008.
- ⁴ *Carraud V. L'invention du moi*. P., 2010. P.27.
- ⁵ *Ibid.* P. 39.
- ⁶ Термин предложен В.Карро в работе «*Pascal et la philosophie*» для описания способа работы Паскаля с основными понятиями первой философии.
- ⁷ § 2 этой лекции: «Его без привилегий: Хайдеггер и Декарт» – был представлен Венсаном Карро в качестве доклада на международной конференции «Субъективность и идентичность», которая состоялась в сентябре 2010 г. на философском факультете НИУ ВШЭ (Москва).
- ⁸ *Carraud V. L'invention du moi*. P., 2010. P. 253. Ссылаясь на исследование Ж.-Л. Мариона, который выделяет четыре характеристики *ego*, позволяющие «опознать» в них *Dasein*, Карро подробно разбирает только одну характеристику – *die Jemeinigkeit* («всегда-мой»). Об этом см. *Marion J.-L. L'ego et le Dasein // Réduction et donation. Recherches sur Husserl, Heidegger et la phénoménologie*. P., 1989. P. 119–161, в особенности §§ 6–7; *Carraud V. L'invention du moi*. P. 245–258.

- ⁹ «Le moi est haïssable». В русских переводах этого фрагмента указывается мо-
дальность долженствования, к примеру, в переводе Ю.Гинзбург читаем: «Мое
“я” заслуживает ненависти» (М., 2009. С. 216).
- ¹⁰ См.: *Carraud V.* L'invention du moi. P. 33–35.
- ¹¹ Ср. «...ego sum, ego existo, quoties a me profertur, vel mente concipitur, necessa-
rio esse verum» (AT VII 18/10) – «...всякий раз, как я произношу слова Я есмь,
я существую или воспринимаю это изречение умом, оно по необходимости
будет истинным». См.: *Декарт Р.* Размышления о первой философии / Пер.
С.Я.Шейнман-Топштейн // *Декарт Р.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 22.
- ¹² Слово «le moi» образовано грамматически от объектной формы личного ме-
стоимения. В качестве примера приведу вопрос, где «я» будет иметь объект-
ную форму: вижу ли я, глядя в зеркало, мое «я»?
- ¹³ *Carraud V.* L'invention du moi. II leçon. Ce moi qui pense. §§ 1–2. P. 43–63; IV
leçon. Qui est le moi? (особенно p. 235–244).
- ¹⁴ *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб., 1998. I. § 10.
- ¹⁵ *Carraud V.* L'invention du moi. II leçon. Ce moi qui pense. § 1. La grammaire de la
métaphysique: Descartes. См. особенно p. 54–62, где дается подробный фило-
логический комментарий к двум вышеприведенным высказываниям Декарта
из *Meditatio II*.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 241.
- ¹⁷ Об этом см.: *Ibid.* IV leçon. Le soi sans substance: Locke. P. 125–150.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 137–138.
- ¹⁹ П.Рикёр выделяет три уровня анализа проблемы «я», рассматривая ее в пер-
спективе концепта самости (ipséité): грамматика и проблема рефлексивности
(je, soi); проблема идентичности (idem, ipse/même; ex. «soi-même»); диалекти-
ка другого, соответственно. Об этом см. подробно: *Рикёр П.* Я-сам как другой.
Предисловие. Вопрос о самости. М., 2008. С. 15–19.
- ²⁰ Там же. С. 16.

Литература

- Carraud V.* L'invention du moi. P., 2010.
Carraud V. Pascal et la philosophie. P., 1992. 2e éd. 2007.
Marion J.-L. L'ego et le Dasein // *Réduction et donation. Recherches sur Husserl, Heidegger et la phénoménologie.* P., 1989.
Паскаль Б. Мысли / Перевод Ю.Гинзбург. М., 2009.
Декарт Р. Размышления о первой философии / Пер. С.Я.Шейнман-Топштейн // *Декарт Р.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1994.